

создаваемые им монастыри и церкви. В том же житии говорится, что во второе архиепископство Моисею пришлось немало сил потратить на борьбу с ересью — «подвизая подвигом добрым противу стригольников и благочестие утверди».⁶⁵

В «Росписи новгородским владыкам» сообщается еще, что Моисей «добре пасяще стадо свое . . . много писание оставив»,⁶⁶ т. е., по-видимому, и сам был автором многих посланий. К сожалению, эти писания, могущие, может быть, пролить свет на идеологическую обстановку, существовавшую в Новгороде в середине XIV в., до нас не дошли.

В течение промежутка времени между двумя архиепископствами Моисея новгородскую кафедру занимал Василий Калика. Он принадлежал к белому духовенству и в силу этого теснее был связан с демократическими кругами Новгорода.

Судя по посланию архиепископа Василия о «мысленном рае», он был человеком более склонным к созерцательно-опытному восприятию религиозных истин, чем к богословско-догматическому их обоснованию. В молодости он много путешествовал, был в Константинополе, в Иерусалиме, на Афоне. Если принять во внимание, что его хождение по святым местам падало как раз на то время, когда там происходили варлаамопаламитские споры, то нет ничего удивительного в том, что он воспринял и выразил в послании к Феодору теорию «фаворского света». Ни в летописи, ни в каких-либо иных источниках не упоминается о существовании еретических выступлений во время архиепископства Василия. Тем не менее предположение некоторых ученых, что ересь могла развиться именно в архиепископство этого «владыки», не лишено основания. Терпимое отношение Василия ко всякого рода индивидуальным поискам в области религии вполне согласовалось бы с его личными, довольно свободными, с точки зрения ортодоксальной догматики, воззрениями. Изображение «добра» и «зла» на созданных Василием церковных вратах можно было бы истолковать как некий отклик на богомильский дуализм.⁶⁷

После вторичного архиепископства Моисея новгородскую кафедру занял в 1359 г. ключник дома Софии, чернец Алексей. Архиепископ Алексей проявил себя ревностным борцом с ересью. Это в его архиепископство и, вероятно, не без его санкции новгородцы подвергли казни трех еретических вождей: дьякона Карпа (еще ранее отлученного от церкви), дьякона Никиту и неизвестного третьего человека, сбросив их с моста в Волхов в 1375 г.⁶⁸

Стригольники, по крайней мере в лице своих вождей, не являлись людьми необразованными, малосведущими в священном писании, наоборот, они были люди книжные, начитанные: «Изучисте словеса книжная, яже суть сладка слышати хрестьяном»,⁶⁹ — говорит о них Стефан Пермский, и, кроме того, в своей личной жизни и общественном служении они отличались высокой нравственностью и бескорыстием: «Сии не грабят и имения не збирают», — приводит тот же автор людскую молву о стригольниках и с явным стремлением подорвать их авторитет, добавляет: «Аще бо бы не чисто житие их видели люди, то кто бы веро-

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Филарет Гумилевский, архиепископ черниговский. История русской церкви. Период второй. М., 1888, стр. 54, прим. 84.

⁶⁷ См.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, стр. 33.

⁶⁸ См. прим. 60.

⁶⁹ См.: там же, Приложение, стр. 239.